

Продолжение этой статьи было опубликовано в следующем номере.²¹ В нем критик, а вместе с ним и переводчик на испанский язык рассказывают читателям о том, что Пушкин — истинный поэт, в творчестве которого отразилось «сердце и ум русских людей», а также предпринимают попытку проанализировать и объяснить проблемы перевода и восприятия Пушкина в Европе: «В Пушкине нет ничего необычного, ничего неожиданного, фантастического, исключительно личного; Пушкин жил жизнью общей всем людям, и он выразил то, что чувствовали все. Из-за отсутствия себялюбивой оригинальности, своего собственного местного колорита, он может показаться иностранцам, не читающим его в подлиннике, несколько бледным».²²

В отличие от оригинальности и феноменальности, которую отмечали авторы предыдущих статей о Пушкине, здесь речь идет о его *обыкновенности и простоте*, дополненных *национальными* культурными, литературными и историческими особенностями.

Подводя итог, можно сделать некоторые выводы. Во-первых, случаи упоминания Пушкина в испанской прессе в первой половине XIX века неравнозначны: где-то даются лишь отрывочные сведения, где-то представлен более подробный анализ. Во-вторых, достаточно уверенно можно сказать, что все эти сообщения были заимствованы испанскими журналистами из иноязычной прессы — французской и немецкой. В-третьих, несмотря на разный настрой, в большинстве из них прослеживаются основные общие для всех мысли: Пушкин — национальный поэт, певец национальных обычаев. В то же время он использует иноязычные образцы. Кроме того, не раз акцентируется внимание на том, что он умер молодым. Все эти черты встраивают жизнь и творчество Пушкина в испанское понимание романтизма. Именно в этом контексте он и воспринимался на протяжении почти всего XIX века.

²¹ Literatura rusa contemporanea (Conclusion) // La ilustración: periódico universal. 1849. T. I. № 14 (Junio 2). P. 110–111.

²² Статья о русской литературе. С. 284.

DOI: 10.31860/0131-6095-2019-2-82-86

© Н. Л. Дмитриева

О ФРАНЦУЗСКОЙ НАДПИСИ НА ЧЕРНИЛЬНОМ ПРИБОРЕ, ПОДАРОННОМ А. С. ГРИБОЕДОВЫМ ЖЕНЕ: ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД БИЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИЕЙ В РОССИИ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА

В 1829 году Грибоедов из Тегерана посылает в подарок своей жене, Нине Александровне Грибоедовой (в девичестве Чавчавадзе), чернильный прибор, на крышке которого выгравирована следующая, сделанная по-французски, надпись: «Ecrives me souvent le mien ange Nynaubie! Tout le tien A. G.».¹ Надпись эта содержит грубые и нелепые ошибки, что вызывает недоумение, если вспомнить, что дипломат Грибоедов, один из образованнейших людей своего времени, вел сложную и ответственную дипломатическую переписку на французском языке. Многочисленные официальные бумаги, отношения и предписания, как и частные письма, написаны с точным соблюдением грамматических согласований, с использованием идиоматических выражений, непростой лексики. Чем же объясняется странный характер надписи на чернильнице?

¹ «Пиши мне часто, мой ангел Нинобия! Весь твой А. Г.» (фр.). Грибоедов А. С. Полн. собр. соч.: В 3 т. СПб., 2006. Т. 3. С. 498.

Как известно, в образованном русском обществе XIX века наблюдалась яркая билингвистическая картина — русский и французский использовались спонтанно, непосредственно и на равных. При этом французский часто играл ведущую роль. Александр Карамзин писал брату Андрею: «Я опять забыл тебе писать по-русски, как хотел сперва. Право, стыдно, что когда забудешься, то всегда мысли напевают французский язык».² Русские билингвы нередко не умели самим себе объяснить причины выбора того или иного языка. Все характерные черты билингвистической ситуации мы встречаем и в эпистолярном наследии Грибоедова. Исторически обусловлен выбор французского языка в письмах к английским корреспондентам: в то время, как известно, языком межгосударственного общения был французский язык. Понятно, почему по-французски написаны письма к министру иностранных дел К. В. Нессельроде, который, будучи немцем по происхождению, так и не выучил по-настоящему русский язык. Однако сложно объяснить, почему среди преимущественно русских писем Грибоедова к И. Ф. Паскевичу встречаются письма, написанные по-французски, при том что и тон писем, и сюжет, и весь контекст написания этих писем абсолютно однороден. Как и другим, Грибоедову случается употреблять галлицизмы в русском тексте: см., например, письмо С. Н. Бегичеву от 4 сентября 1817 года: «Прежде всего прошу Поливанову сказать свиною»³ (от *фр.* «dire des mots cochons» — говорить грубые, бранные слова); письмо П. А. Катенину от февраля 1820 года: «...мне дали известие о смерти Дарьи Андревны»⁴ (от *фр.* «donner les nouvelles» — сообщить новости).

В первой трети XIX века наблюдается не только явление двуязычия, но и то, что можно обозначить как диглоссию. (По Б. А. Успенскому, «двуязычие — это сосуществование двух равноправных и эквивалентных по своей функции языков»,⁵ а «диглоссия — способ сосуществования двух языковых систем в рамках одного коллектива, когда функции этих двух систем находятся в дополнительном распределении».⁶) Употребление французского языка как знака кастовой принадлежности к особой группе — к образованному дворянскому сословию, его, предписанное этикетом, применение можно расценивать как явление диглоссии. Таковой, например, является ситуация использования французского языка в разговоре и переписке с дамами. Вообще употребление французского и/или русского языков было принципиально отличным для мужского и дамского общества. И. А. Паперно сделала интересное наблюдение о сути различия между двумя языками российского дворянства: русский язык в силу естественной принадлежности русскому обществу является более свободным, он не связан с необходимостью соблюдения норм и правил. Французский же (привнесенный в русское общество искусственно) имеет этикетный характер — его функционирование во многом регламентировано, подчинено определенным требованиям. Поскольку русский язык наделен большей свободой, он чаще используется мужчинами, более независимыми в своем поведении, а этикетный («несвободный») французский остается в дамском распоряжении.⁷ Женщина вообще не имеет той свободы, которой располагает мужчина, ее поведение намного строже нормировано. Одной из норм женского поведения является владение языками, в первую очередь французским. Жуковский писал А. А. Воейковой: «Девочкам нужны только языки да некоторые таланты».⁸ В этом письме, написанном по-русски, он рисует довольно подробную картину различия воспитания мальчиков и девочек: «Ему (мужчине) нужна слава. Девочкам мысль

² Пушкин в письмах Карамзиных 1836–1837 годов / Под ред. Н. В. Измайлова. М.; Л., 1960. С. 118.

³ Грибоедов А. С. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 13.

⁴ Там же. С. 41.

⁵ Успенский Б. А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.). М., 1994. С. 6.

⁶ Там же. С. 5.

⁷ См.: Паперно И. А. О двуязычной переписке пушкинской поры // Тр. по русской и славянской филологии. XXIV: Литературоведение. Тарту, 1975. С. 149 (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та; вып. 358).

⁸ Бумаги А. А. Воейковой. Пг., 1916. Т. 2. С. 67.

об успехе яд; их добродетель должна быть тайной сердца, знакомою другим, но не видимою. Ничто так не пленяет в женщине, как это покорное самоотвержение»; а затем достаточно редко использовавший французский в своих письмах Жуковский обращается к нему: «...ses vertus mêmes, ses graces, ses succès doivent être une résignation, se résigner est le sort d'une femme, surmonter est celui de l'homme. Ainsi soit-il».⁹ Как видим, представление о женщине образованного общества настолько тесно связано с представлением о французском языке, что о ней и ее предназначении следует (или так получается само собой) говорить по-французски. Французский, «предписанный» дамскому обществу, настолько прочно входит в его обиход, что, судя по всему, дамам проще и удобнее говорить и писать по-французски. В одном из русских писем Вяземского жене имеется приписка Екатерины Николаевны Карамзиной. Вяземский заканчивает письмо следующими словами: «Все здешние тебе кланяются»; Карамзина, подхватив русский текст Вяземского, начинает по-русски: «А я, здешняя, хочу сама вам кланяться», но не продолжает русского текста, тотчас переходя на французский: «...et vous féliciter, chère et bonne tante» и т. д.¹⁰ И вся эта довольно длинная приписка сделана по-французски. Так принято (диглоссия) и, вероятно, так проще (двуязычие). В. Ф. Вяземская в одном из своих писем в ответ на русскую реплику мужа также сначала подхватывает русский текст, но мгновенно возвращается к французскому: «Tu me dis: „Расплатись с Пушкиным, как следует“. А как следует? Ni lui ni moi, nous n'en savons rien».¹¹ Казалось бы, перейдя на русский, она могла бы на нем и продолжить письмо, но нет. Без сомнения, ей привычнее писать по-французски.

Мужчины, конечно, также говорили по-французски, согласно этикету обращались к дамам по-французски, но в своем, мужском, дружеском кругу часто вели русскоязычную переписку, позволяя себе вольности игры слов, смешения стилей и даже использования нецензурной лексики. По-русски друзьям-мужчинам писали (и, вероятно, говорили с ними) Пушкин, Вяземский, Соболевский, Погорельский. Грибоедов пишет по-русски Булгарину, Катенину, Всеволожскому, Кюхельбекеру. Следует заметить, что вообще многим корреспондентам-мужчинам Грибоедов предпочитал писать по-русски. Дамам он писал по-французски, например, Прасковье Николаевне Ахвердовой. Соблюдая правила, он иногда нарушал их, делая русские вставки. В письме от 28 июня 1827 года из Нахичевани он жалуется, что нет почты, что стоит удушающая жара — все это написано по-французски, но фраза, подводящая итог и выражающая его состояние, сформулирована по-русски: «Тошно до смерти».¹² В письме к ней же от 3 октября 1827 года из Эривани — любопытная русская вставка, показывающая, что не все можно сказать на любом языке — «...cette respectable infirmité me saisit l'âme (He infirmité, а благородно изувеченный, как это сказать?)».¹³ Отметим, что в письмах, обращенных к Жандре и Варваре Семеновне Миклашевич (гражданской жене Жандра), он употребляет исключительно русский язык (говоря с ними обоими как с добрыми друзьями), в отличие от Пушкина, который в русских письмах к Вяземскому поклон Вере Федоровне (которая тоже была ему добрым другом) передавал по-французски (соблюдая требования этикета). Французская модель тут была очень удобна, предоставляя целый набор коммуникативных клише («леность наша охотнее выражается на языке чужом, коего механические формы уже давно готовы и всем известны»¹⁴).

В таком двуязычном контексте русский имел несомненно более интимный характер. Потому он и превалировал в дружеском общении, потому же и Пушкин, и Вязем-

⁹ Там же. Пер.: «...ее добродетели, красота, успехи заключаются в смирении. Смиряться — удел женщины, повелевать — судьба мужчины. Да будет так» (фр.).

¹⁰ Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1909. Т. 5. Вып. 1. С. 50. Пер.: «...и поздравить вас, дорогая добрая тетушка» (фр.).

¹¹ Там же. Т. 5. Вып. 2. С. 134. Пер.: «Ты мне говоришь <...> Ни он, ни я не имеем понятия» (фр.).

¹² Грибоедов А. С. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 127.

¹³ Там же. С. 135. *Infirmité* — немощь, недуг, увечье (фр.). Пер.: «...при виде этой почтенной немощи сердце мое сжалось» (фр.).

¹⁴ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: [В 16 т.]. М.; Л., 1947. Т. 11. С. 34.

ский писали своим женам русские письма. Точно так же единственное дошедшее до нас письмо Грибоедова к жене написано по-русски (есть там, правда, одна французская вставка, впрочем, эта вставка отсылочного характера — поклон В. Я. Ваценке, переводчику Российского консульства в Персии: «...dis lui que je lui en veux un peu <...>»,¹⁵ скорее всего, Нина Александровна должна была разговаривать с Ваценкой по-французски). Судя по всему, до женитьбы Грибоедов обращался к будущей невесте по-французски. Возможно, и предложение он сделал на французском языке: во всяком случае, в письме к Булгарину от 24 июля — 8 сентября 1828 года, рассказывая о том, как это произошло, он приводит свои слова, обращенные к Нине, на французском — «Venez avec moi, j'ai quelque chose à vous dire».¹⁶ Почему, однако, на чернильнице, посланной из Тегерана в подарок Нине Александровне Грибоедовой, уже жене, а не невесте, сделана французская надпись, к тому же содержащая не одну грубую ошибку? В третьем томе Полного собрания сочинений Грибоедова в комментарии отмечено, что ошибки, очевидно, допущены персидским гравером, не знающим французского.¹⁷ Конечно, гравер мог ошибиться. Но в данном случае речь идет о нетипичных ошибках: употребленные формы сами по себе правильные, однако они неверно применены. Представляется, что фраза могла быть искажена с умыслом — не кроется ли тут какая-то шутка, игра, нечто известное только посвященным? Французский нередко использовали для каламбуров, шуток, игры слов. Например, между Пушкиным и Вяземским был в ходу каламбур, построенный на использовании русского выражения «напиться как сапожник». Это пример игры слов, базирующейся на смешении двух языков для создания такого языкового оборота, которого на самом деле нет ни в одном, ни в другом языке. В январе 1829 года Пушкин пишет Вяземскому: «Баратынский у меня — я еду часа через 3. Обедать не дождусь, а будет у нас завтрак в роде en petit couragé — Постараемся напиться не en grand cordonnier, как сапожники — а так, чтобы быть en petit couragé под куражем».¹⁸ Фразеологизма «en petit couragé» во французском языке не существует. Здесь наблюдается контаминация глагола «encourager» — «ободрять», «поощрять» и выражения «à bon couragé» — «навеселе». Построено оно по аналогии с выражением «en grand cordonnier» — «как сапожник», буквально «как большой сапожник» по аналогии с русским выражением «напиться как сапожник». Во французском языке фразеологизма с использованием слова «сапожник» для передачи понятия «напиться», «опьянеть» нет. Из контекста письма видно, что используется выражение не просто понятное, но, видимо, знакомое и адресату, и автору письма. Б. Л. Модзалевский комментировал это выражение следующим образом: «По поводу этого шуточного выражения, бывшего в ходу среди приятелей Пушкина, князь П. А. Вяземский вспоминал впоследствии: „Забавный чудака, служивший когда-то при Московской Театральной Дирекции, был, между прочим, как и следует русскому человеку, а тем паче русскому чиновнику, охвачен повальной болезнью чиновничества и крестоловничества. Он беспрестанно говорил и писал кому следует: „Я не прошу кавалерии через плечо или на шею, а только маленького *анкураже* (encouragé) в петличку» — Пушкин подхватил это слово и применял его к любовным похождениям в тех случаях, когда в обращении не капитал любви, а мелкая монета ее: то есть, с одной стороны, ухаживание, а с другой — снисходительное и одобрительное кокетство. Таким образом, в известном кругу и слово *анкураже* пользовалось некоторое время правом гражданства в московской речи“».¹⁹ В рассмотренном нами случае оно используется в ином, не имеющем отношения к любовным приключениям, контексте, но явно сохраняет тот же шуточный смысл. В истории с чернильницей речь не идет об игре слов, но, может, здесь кроется что-то иное. Мы не знаем, насколько безупречен

¹⁵ Грибоедов А. С. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 185. Пер.: «...скажи ему, что я на него немного сердит» (фр.).

¹⁶ Там же. С. 163. Пер.: «Пойдемте со мной, мне надо вам что-то сказать» (фр.).

¹⁷ Там же. С. 498.

¹⁸ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 14. С. 37.

¹⁹ Пушкин А. С. Письма / Под ред. и с прим. Б. Л. Модзалевского. Репринт. М., 1989–1999. Т. 2. С. 322–323.

был французский Нины Чавчавадзе — возможно, она делала ошибки, и это было подтрунивание со стороны Грибоедова? (Вяземский, например, правил французский своей жены (при том что сам ей писал только русские письма, а она ему отвечала по-французски): «А в самом деле надобно тебе приняться за грамоту. Пора! Ты уж такие отпускаешь со мною выходки, что ужас! Ты пишешь мне que le chapeau s'étire!!!! sur la tête. Господи Иисусе Христе! Это что такое!».²⁰ Вера Федоровна, однако, возражает: «Si la phrase *le chapeau s'étire* te paraît ridicule, je la tiens de M-r Bauvais, négociant français, qui me l'a faite ainsi».²¹ Вернемся к надписи на чернильнице — если речь идет о шутке, то, конечно, мы можем только предполагать, что могло послужить причиной ее возникновения. Впрочем, мы не знаем, действительно ли это была шутка — да и никогда не узнаем. Возможен, правда, и такой вариант: Нина Александровна вполне владеет французским языком, Грибоедов находит на базаре в Тегеране чернильный прибор с готовой малограмотной надписью, употребленный вариант имени «Нина» («Nynaubie») кажется интересным, и он покупает чернильницу в подарок жене, понимая, что она оценит и подарок, и надпись с нелепыми ошибками.

²⁰ Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 5. Вып. 1. С. 24. Пер.: «...что шляпа растягивается на голове» (фр.).

²¹ Там же. Т. 5. Вып. 2. С. 126. Пер.: «Если фраза *le chapeau s'étire* тебе кажется нелепой, так знай, я ее услышала от г. Бове, французского торговца, это он мне так сказал» (фр.).

DOI: 10.31860 / 0131-6095-2019-2-86-97

© О. Л. Фетисенко

ЧЕРНОВИК НА ПЕЛЕРИННОЙ ВЫКРОЙКЕ (Н. С. Соханская и ее «письма о Фаусте» к П. А. Плетневу)

В самом начале 1846 года издатель «Современника» получил письмо и рукопись, присланные с хутора Макаровка Изюмского уезда Харьковской губернии. Автором представленной на суд П. А. Плетнева повести «Графиня Д***» была Надежда Степановна Соханская (1823–1884),¹ за несколько лет до этого с шифром кончившая курс в Харьковском институте благородных девиц. Эта повесть не была ее первым произведением: в 1844 году увидел свет «Майор Смагин».² Плетнев подверг присланную ему вещь строгой критике,³ но это не помешало завязаться переписке, что стало началом длинной истории «литературной дружбы».

Дело в том, что Соханская уже в первом письме просила не просто оценить свой труд (как делают все молодые авторы, обращающиеся к мэтрам), но дать ей большее — стать «руководителем» не только в словесности, но и вообще в жизни: «...что-то говорит мне,

¹ О Н. С. Соханской, с 1856 года пользовавшейся литературным псевдонимом «Кохановская», см.: Платонова Н. Н. Кохановская (Н. С. Соханская). 1823–1884: Биографический очерк. СПб., 1909; Викторovich В. Уроки одной судьбы // Литературное обозрение. 1989. № 3. С. 110–112; Фетисенко О. Л. Достоевский, «петербургская литература» и «русское сердце» малороссиянки Кохановской // Достоевский: Материалы и исследования. СПб., 2016. Т. 21. С. 303–321.

² Сын отечества. 1844. № 11. С. 321–325; № 12. С. 347–358; № 13. С. 369–377 (подписано: Надежда С***).

³ По-видимому, еще до получения ответа от него Соханская отправила рукопись и в «Отечественные записки». Из этой редакции она не получила никаких известий и только в 1850 году (как выясняется из переписки с Плетневым) узнала, что повесть была в свое время опубликована (Отечественные записки. 1848. Т. LXI. С. 333–356; подписано: Надежда ***). Произведению посвящена рецензия А. В. Дружинина, в которой критик указал «на чрезмерную сгущенность красок, ходульность типов и неестественность положений» и отметил как недостаток «сжатость» слога ([Дружинин А. В.]. Письма иногороднего подписчика // Современник. 1849. № 1. С. 46).